

Предисловие

Дорогая Мэри!

Посылаю тебе эти записки, так как не знаю, что с ними делать. Признаться, мне бы хотелось, чтобы они увидели свет. Истинный гений прячет, вероятно, свои работы от людей в мастерской, но я не гений, а всего лишь заурядный портретист, потому и решил обратиться к тебе за помощью. Я уверен, что как человек, знающий толк в литературе, ты определишь, чего стоит моя рукопись.

Прочитав это, ты поймешь, что я последовал совету Баджа. Помнишь его слова о том, что мне стоит попробовать себя в иной сфере деятельности? Вот я и сотворил *литературный* портрет — но, боюсь, он не вполне получился. Впрочем, я целиком полагаюсь на твое мнение. Если мой опыт покажется тебе неудачным — что ж, значит, я не писатель. Но если ты найдешь, что он имеет *форму* — наличие которой в произведении и ты и я почи-

6 Мэри Уэстмакотт

таем признаком искусства, — опубликуй его, пожалуйста.

Все имена в рукописи — настоящие, но ты можешь изменить их, если захочешь. Хотя в этом нет никакой необходимости — кто, интересно, станет возражать? Только не Майкл. Что касается Дермота... Случись ему даже прочесть книгу, он никогда не догадается, что это о нем. По собственному признанию моей героини, ее история — самая типичная история на свете. Все это могло произойти с кем угодно. В конце концов, не сюжет меня заинтересовал, а Селия...

Видишь ли, мне хотелось нарисовать ее портрет на холсте, но по некоторым причинам это оказалось невозможным, и я решил действовать другим способом. Мне пришлось довольно трудно: временами все эти слова, предложения и точки с запятыми выводили меня из терпения, но я не сдавался.

Я описывал историю Селии с двух разных точек зрения — своей и ее. Думаю, я имел право говорить от ее имени, потому что обстоятельства сложились так, что я узнал ее очень близко и иногда у меня даже появлялось ощущение, что я проник в самую ее душу, что я и Селия — это один человек... Именно возможность вести повествование с двух разных позиций и привлекала меня в этой затее больше всего. Но я часто думал о том, как хорошо быть Богом и знать истину наверняка.

Автор, конечно, и есть Бог по отношению к своим персонажам, которые целиком находятся в его власти, — по крайней мере, он так считает. Но и они способны его удивить. Интересно, можно ли удивить настоящего Бога?

Ну все, моя дорогая, не буду больше надоедать тебе своими пространными размышлениями. Выполни, пожалуйста, мою просьбу.

Твой Дж. Л.

Книга первая

ОСТРОВ

*Я одинокий остров в океане,
где птицы отдыхают по пути на юг.
Проводят ночь, а утром ветер с норда
их снова поднимает на крыло
и гонит дальше в море.*

I. ЖЕНЩИНА В ПАРКЕ

Бывают ли у вас провалы в памяти? Случается ли вам мучиться смутным беспокойством, причину которого вы никак не можете вспомнить, но точно знаете, что она существует?

Подобное чувство испытывал и я, возвращаясь в город по белой извилистой дороге. Оно возникло у меня еще высоко над морем, на плато, где стояла вилла, утопающая в зелени парка, и откуда я начал спуск. С каждым шагом оно нарастало, все настойчивее требуя определения. Наконец, когда пальмовая аллея вывела меня на пляж, я остановился. Сейчас или никогда, решил я. Неясное пятно, серой бабочкой маячившее в глубине моего сознания, должно было подвергнуться анализу и дефиниции, иначе я рисковал потерять его след навсегда.

Я начал делать то, что обыкновенно делают люди, пытающиеся что-то вспомнить, то есть принял-

ся с самого начала перебирать по порядку все, что произошло за день.

Итак, с утра я отправился в горы. Солнце пекло мне затылок, пот заливал глаза, пыль клубилась под ногами — все как обычно. Я поднялся на плато, где росли старые, огромные, черные на фоне неба кипарисы, окружавшие виллу, и двинулся по чуть заметной в траве тропинке к небольшой площадке над самым обрывом. Там, в тени развесистой сосны, стояла скамейка, и можно было отдохнуть и насладиться пейзажем. К моему удивлению и некоторой досаде, место оказалось занятым — на скамейке сидела женщина. Она обернулась и посмотрела на меня. Англичанка. Чувствуя себя обязанным сказать хоть что-нибудь, я пробормотал дежурную банальность:

— Какой красивый отсюда вид.

— Чудный. И день сегодня замечательный, — вежливо ответила она.

— Вот только от города далеко.

Она согласилась, что дорога наверх и вправду пыльная и утомительная.

Вот, собственно, и все. Два соотечественника, впервые встретившись за границей, обменялись несколькими избитыми фразами и расстались навсегда.

Я еще немного погулял наверху, дважды обошел вокруг виллы, любуясь оранжевыми цветами барбариса (мне так показалось), и пошел обратно в город.

В женщине, сидевшей на скамейке, не было ничего странного, но что-то — и я не мог понять, что именно, — заставило меня насторожиться. Может быть, ее поведение? Нет, у нее была приятная манера общения. В подобных ситуациях девяносто девять женщин из ста ведут себя точно так же. Только... Вот оно что! Она даже не взглянула на мою руку.

Я привык, что женщины сразу все замечают. Они так добры и наблюдательны — черт бы их побрал. Я привык видеть на их лицах смесь жалости и любопытства, которые они из вежливости пытаются скрыть.

Но эта не заметила.

Я продолжал размышлять о незнакомке. Странная вещь — в миг, когда я отвернулся от нее, я не мог бы описать, как она выглядит. Я запомнил лишь, что у нее светлые волосы и на вид ей не больше тридцати. Но по мере моего удаления от того места, где она осталась, ее образ рос, прояснялся, словно изображение на негативе, который проявляют в темном подвале. (Одно из самых ранних воспоминаний детства — мы с отцом печатаем фотографии в подвале нашего дома.)

Не забыть восторга, с которым я наблюдал, как на белом пространстве фотографической пластинки под колышущимся слоем проявителя возникает серое пятнышко, стремительно темнеет и увеличивается. Здесь всегда таилась неизвестность, что и было самым восхитительным. Пластинка темнеет

очень быстро, но пока еще нельзя сказать наверняка, что получится в конце, видны только словно оживающие сгустки серого и белого. И вот миг узнавания — появляются ветки дерева, спинка стула, чье-то лицо, вы переворачиваете негатив, если он лежит вверх ногами, — и из ниоткуда возникает целая картинка. И вы дивитесь ей до тех пор, пока она чернеет, опять исчезая в никуда.

Это самое точное описание того, что я переживал тогда. По пути в город внешность женщины постепенно становилась резче. Я разглядел маленькие уши, плотно прижатые к голове, длинные серьги с лазуритом и волнистые льняные волосы, которые она заправляла за уши. Я увидел черты ее лица: прозрачно-голубые широко поставленные глаза, короткие густые черные ресницы, тонкие, подведенные, немного домиком, брови, высокие скулы и большой рот.

Наступил момент, когда поверхностная проявка подошла к концу, и снимок должен был бы начать темнеть. Но оттого, видимо, что я имел дело не с фотографической пластинкой, а с живым человеком, она продолжилась на, так скажем, более глубоком уровне.

Наверное, я знал все с самого начала, с того самого мгновения, когда в первый раз взглянул на нее. Проявка происходила во *мне*. Изображение перемещалось из подсознания на сознательный уровень. Я знал, но не понимал *что*. И вдруг — появилось пятнышко, а из него — картинка.

Я резко повернулся и во весь опор помчался обратно в гору. Я бежал что было сил, но мне все равно казалось, что недостаточно быстро. Под аркой — мимо кипарисов — по дорожке, заросшей травой...

Женщина сидела в той же самой позе, в которой я оставил ее. Задыхаясь, я упал рядом с ней на скамейку.

— Послушайте, — проговорил я, еле переводя дух, — я не знаю, кто вы, и вообще ничего о вас не знаю. Но вы не должны этого делать. Слышите? Вы не должны этого делать.

II. ПРИЗЫВ К ДЕЙСТВИЮ

Самым поразительным было то (понял я по прошествии времени), что она даже не пыталась возмутиться. Она могла бы сказать что-нибудь вроде «да кто вы такой» или «я не знаю, о чем вы говорите» или просто смерить меня ледяным взглядом.

Но ей было уже все равно. В тот момент никто и ничто на свете ее уже не трогало.

Это было решение, пришедшее не вдруг, не под влиянием минутного приступа отчаяния. Она приняла его осознанно, медленно, но неуклонно идя к нему в течение нескольких лет своей жизни. Самое страшное, что такие рассудочные решения обычно не подлежат пересмотру и неизменно выполняются.

Она задумчиво взглянула на меня, но ничего не сказала.

— Может, расскажете, отчего вы это? — предложил я. — Какая вам разница, узнаю я или нет?

Она наклонила голову как бы в знак согласия.

— Все очень просто, — произнесла она. — Так будет лучше.

— Что за ерунда! — горячо запротестовал я. — Вы абсолютно не правы.

Она словно не слышала, сохраняя прежнюю безучастность и спокойствие.

— Я много думала об этом. Это самый лучший выход. Легко, быстро... И — удобно для всех.

По последней фразе женщины я понял, что она получила «хорошее воспитание». Ей с детства внушали, что «думать о ближнем» — ее главный долг.

— А что будет... потом? — спросил я.

— Придется рискнуть.

— Вы верите в существование рая и ада? — заинтересовался я.

— Боюсь, что верю, — с усилием призналась она. — Совсем ничего — слишком хорошо для правды. Просто уснуть и больше не просыпаться — вот чего бы мне хотелось.

Она мечтательно прикрыла глаза.

— Какой рисунок был на обоях в вашей детской?

Она вздрогнула.

— Бледно-лиловые ирисы... Как вы догадались, что я думаю именно о них?

— Я умею читать чужие мысли. Как вы в детстве представляли себе рай?

— Зеленая лужайка, на ней овцы, пастух... Знаете это стихотворение?

— Кто вам его читал? Мама или няня?

— Няня. — На ее лице промелькнула тень улыбки. — Знаете, я никогда в жизни не видела пастуха. Но рядом с нашим домом был луг, где всегда паслись две овечки. — Помедлив, она добавила: — Потом это поле застроили.

«Если бы не застроили, она бы не пришла сюда», — подумал я про себя, а вслух спросил:

— Вы были счастливы в детстве?

— О да. Даже слишком.

— Разве такое возможно?

— Конечно. Понимаете, я и не думала, что такое бывает... Я не была готова...

— Вам, наверное, пришлось многое пережить, — предположил я.

Она отрицательно покачала головой:

— Нет. Не совсем. В том, что произошло со мной, нет ничего необычного. Такие вещи происходят со многими глупыми женщинами. Я не была несчастлива. Я была глупа. Всего-то. А в мире недостаточно места для стольких дур.

— О господи! — воскликнул я. — Послушайте, что я вам скажу. Я тоже сидел на этой скамейке и думал, что жизнь моя кончена. Мне знакомо черное отчаяние, когда кажется, что иного выхода нет. Но поверьте — *это пройдет*, как проходит все на свете. Есть только один целитель — время. Так дайте ему шанс.

Я говорил с жаром и убеждением, но все впустую — моя речь оставила слушательницу равнодушной.

— Вы не понимаете, — устало сказала она, — я раньше тоже так думала. Я пыталась, но ничего не вышло. И теперь я даже этому рада.

— Почему? — удивился я.

— Видите ли, мне трудно вам объяснить, я сама не сразу поняла... Мне сейчас тридцать девять лет, и здоровье у меня превосходное. Я проживу лет до семидесяти, если не дольше. И мне невыносимо сознавать, что придется напрасно провести еще тридцать пять долгих лет.

— Но почему же напрасно? Вот здесь вы и ошибаетесь. Появится кто-нибудь, кто наполнит смыслом ваше существование.

— Вот этого я и боюсь, — подняв на меня глаза, еле слышно прошептала она. — При одной мысли об этом меня охватывает ужас.

— Надо же, какая вы трусиха, — заметил я.

— Да, — будто даже с облегчением согласилась она. — Я всегда была трусихой. Меня всегда удивляло, как окружающие не замечают, что я боюсь собственной тени.

Мы немного помолчали.

— В конце концов, — сказала она, — тут нет ничего удивительного. Обжегшись на молоке, дуешь на воду.

— Так, значит, вы боитесь своего счастья, — проормотал я себе под нос.